

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензия
УДК 821.161.1:070:008
doi: 10.17223/19986645/78/13

**«Великая задача поддержания и блюдения русской культуры»:
новая монография о литературе и периодике
предреволюционной России.**

**Рецензия на книгу: Русская литература и журналистика
в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия
и методология анализа: коллективная монография / отв. ред.
и сост. А.А. Холиков, при участии Е.И. Орловой. –
М. : ИМЛИ РАН, 2021. – 768 с.**

Олег Ефимович Осовский¹, Светлана Анатольевна Дубровская²

¹ *Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева,
Саранск, Россия, osovskiy_oleg@mail.ru*

² *Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия, S.Dubrovskaya@bk.ru*

Аннотация. Рецензируется коллективная монография «Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа» – второй выпуск новой научной серии, посвященной изучению форм взаимодействия русской литературы и журналистики в кризисную эпоху начала XX в. Основные авторы – участники проекта РНФ (№ 20-18-00003), а также специально приглашенные ученые, эксперты в данной области. Издание рассчитано на филологов и представителей других гуманитарных дисциплин, интересующихся таким сложным, рассредоточенным, диффузным и полижанровым явлением, как русская периодическая печать предреволюционной эпохи.

Ключевые слова: русская литература, журналистика, газеты, русская революция, методология

Для цитирования: Осовский О.Е., Дубровская С.А. «Великая задача поддержания и блюдения русской культуры»: новая монография о литературе и периодике предреволюционной России : Рецензия на книгу: Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа: коллективная монография / отв. ред. и сост. А.А. Холиков, при участии Е.И. Орловой. – М. : ИМЛИ РАН, 2021. – 768 с. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 225–238. doi: 10.17223/19986645/78/13

Review

doi: 10.17223/19986645/78/13

Book review: Kholikov, A.A. & Orlova, E.I. (eds) (2021) *Russkaya literatura i zhurnalistika v predrevoliutsionnuyu epokhu: formy vzaimodeistviya i metodologiya analiza: kollektivnaya monografiya* [Russian literature and journalism in the pre-revolutionary era: Forms of interaction and methodology of analysis: A collective monograph]. Moscow: IWL RAS.

Oleg E. Osovsky¹, Svetlana A. Dubrovskaya²

¹ *Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseev, Saransk, Russian Federation, osovskiy_oleg@mail.ru*

² *National Research Mordovia State University, Saransk, Russian Federation, S.Dubrovskaya@bk.ru*

Abstract. The review offers a detailed analysis of a collective monograph on the interaction between literature and journalism in Russia in the pre-revolutionary period. According to the reviewers, the main merit of the book lies in the fact that it offers a new interpretation of literature and journalism at the turn of the century as a whole and provides new approaches that have broadened the problem field and added to the circle of writers' names and newspaper and magazine titles. The authors show that journalism of this time both created and destroyed writers' reputations, explained to the reader the underlying meanings of literary works, and acted as an intermediary between the creative elite and the mass audience. The complex, multidimensional, "diffuse" (as the monograph editor, Professor A. Kholikov, formulates it) state of the literary process of the pre-revolutionary era required the authors of the monograph to implement an interdisciplinary approach. As a result, the history of Russian literature and the theory and history of journalism were integrated with the political and social history of Russia, which, in turn, was accompanied by the search for new methods and techniques, including those oriented towards Western experience of working with media texts of various levels and content. Accordingly, the book successfully combines the approaches and methods of traditional academic humanities and innovative technologies, above all in the digitalization of archival material. In the course of the analysis, the newspaper and magazine text, thus acquiring a new spatial and temporal dimension, was transformed into a metatext, the presentation of which made it possible to reconstruct a qualitatively new picture of the state of literary and journal life in Russia in the pre-revolutionary era. The monograph was not limited to the "writer in a newspaper – magazine – almanac" plot and tried to show as convincingly as possible the relationship between author and publication in all its complexity and contradiction, above all as a projection of a kind of dialogue between literature and journalism at a particular historical stage, in the conditions of a perennial political, ideological, social and cultural crisis. Thus, magazines and newspapers reflect the whole spectrum of problems of literature and literary life, literary reputations, the psychology of writerly creation, on the one hand, and the mechanisms of writer's subordination/contradiction to the conveyor belt of newspaper-magazine work, on the other. As the reviewers point out, the reliability and representativeness of the conclusions in the analytical part of the monograph are ensured by the extensive use of material from metropolitan and provincial newspapers and magazines (*Russkoye Slovo, Narodnaya Gazeta, Novoe Vremya, Ogonyok,*

Finlyandskaya Gazeta, Il'men', Yuzhnyy Krai, etc.), writers' archives, editorial correspondence and documents. Of undoubted value is the publication in the second and third sections of the book of materials of correspondence between A. Izmailov and I. Yasinsky, D. Filosofov and K. Chukovsky, a selection of texts by I. Babel in the newspaper *Novaya Zhizn'*, a bibliographical list of the magazine *Bohema*, newspaper *Nov'* and others.

Keywords: Russian literature, journalism, newspapers, Russian revolution, methodology

For citation: Osovsky, O.E. & Dubrovskaya, S.A. (2022) Book Review: Kholikov, A.A. & Orlova, E.I. (eds) (2021) *Russkaya literatura i zhurnalistika v predrevoliutsionnyuyu epokhu: formy vzaimodeistviya i metodologiya analiza: kollektivnaya monografiya* [Russian literature and journalism in the pre-revolutionary era: Forms of interaction and methodology of analysis: A collective monograph]. Moscow: IWL RAS. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 78. pp. 225–238. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/78/13

Литературный процесс в России рубежа XIX–XX столетий к настоящему времени изучен достаточно основательно. Любой исследователь без труда перечислит важнейшие работы по этой проблеме: начиная от классических трудов В.Е. Евгеньева-Максимова, Б.А. Бялика, К.Д. Муратовой, Л.А. Смирновой до хорошо известных публикаций А.В. Лаврова, Н.А. Богомолова, О.А. Коростелева, Л.С. Флейшмана, О.А. Клинга, В.Н. Крылова, Д.Д. Николаева и др. Думается, каждый из них без труда согласился бы с фразой о «великой задаче поддержания и блюдения», вынесенной в заголовки нашей рецензии. Именно так выдающийся российский мыслитель и общественный деятель, философ и публицист П.Б. Струве определял миссию отечественных журналов [1. С. 55].

Основная заслуга рецензируемой монографии заключается в том, что ее авторы не только предложили новый взгляд на взаимоотношения литературы и журналистики в предреволюционную эпоху, но и аргументировали новые подходы, позволившие расширить проблемное поле и дополнить круг писательских имен и названий газетно-журнальной периодики. Как справедливо отмечает во введении ответственный редактор издания известный специалист по творчеству Д.С. Мережковского и русской литературе Серебряного века А.А. Холиков, «на рубеже веков журналистика как никогда активно участвовала в создании и разрушении писательских репутаций, адаптировала для широкого читателя смыслы,

содержавшиеся в произведениях словесного искусства. Многоаспектному рассмотрению этих процессов посвящена предлагаемая книга» [1. С. 12].

Сложное, многоаспектное, «диффузное», по выражению ответственного редактора, состояние литературного процесса предреволюционной эпохи потребовало от авторов междисциплинарного подхода. История отечественной литературы, теория и история журналистики соединились с политической и социальной историей России, сопровождалась поисками новых методов и приемов, в том числе и ориентированных на опыт западных коллег, чья работа с медиатекстами различного уровня и наполнения сегодня привлекает достаточное внимание. Пожалуй, одна из самых сильных сторон теоретико-методологической составляющей книги заключается именно в разумном и взвешенном сочетании подходов и методов традиционной академической гуманитаристики и по-настоящему новых технологий (прежде всего – в сфере дигитализации архивного материала), и в этом еще одна заслуга А.А. Холикова и его соредатора Е.И. Орловой.

Тем самым был выработан новый алгоритм работы с газетным и журнальным текстом или их совокупностью, образующей газетно-журнальный метатекст. При этом монография не ограничивается реконструкцией сюжета «писатель в газете / журнале / альманахе». Общая цель была куда более амбициозной: воссоздать картину сложных и противоречивых взаимоотношений автора и издания как проекцию своеобразного диалога между литературой и журналистикой на определенном историческом этапе, в условиях многолетнего политического, идеологического, социального и культурного кризиса. Журнал и газета здесь становятся своего рода зеркалом, в котором отражается весь спектр проблем литературы и литературной жизни, литературных репутаций, психологии писательского творчества, с одной стороны, и механизмов подчинения / противостояния писателя конвейеру газетно-журнальной работы – с другой.

Из сказанного вытекает синтетичность реализуемых в книге подходов. Историки литературы и журналистики, теоретики медиакommunikаций, историки культуры объединили усилия, чтобы дать максимально точное представление о том, как литературная жизнь предреволюционной России находит себя в журнально-газетном измерении. Возможно, попытка теоретического осмысления проблемы сквозь призму того, как ее видит теория журналистики, оказалась не до конца удачной, однако то, что первый раздел монографии («Исследования») открывает глава «Теоретико-методологические аспекты», более чем оправданно. Особый интерес в ней вызывает раздел Е.И. Орловой «О “срочной словесности” и ее трансформациях в начале XX века». Предложенная автором формула – история литературы сквозь призму истории журналистики – позволяет исчерпывающе определить характер взаимоотношений литературы, представленной прежде всего литературной критикой, и всего массива журнально-газетной периодики, появляющейся в интересующую автора эпоху. Широкий контекст, глубина исторических обобщений, обращение к примерам не только из предшествующих предреволюционному периоду десятилетий, но и из

практики постреволюционной, в том числе и советской вплоть до перестроечной, позволяет исследовательнице делать масштабные обобщения и приходиться к убедительным выводам. Сама смена статуса литературной критики, остающейся частью филологии и одновременно превращающейся в важнейшую часть газетно-журнальной продукции, дает возможность говорить об особенностях эпохи в ее интеллектуальных проекциях, специфичности функционирования литературных жанров в их собственно литературном и массмедийном изводах. «Журналистика всегда была важнейшей составляющей литературного процесса <...> Целые жанры возникают и существуют на границе собственно литературы и журналистики (фельетон, очерк, эссе, портрет и т.д. – эта область огромна)» – констатирует исследовательница [1. С. 19]. С этой точки зрения профессиональные литературоведы, выступающие в качестве литературных критиков (от Н. Недоброво до Ю. Тынянова и Б. Эйхенбаума), – наглядный пример меняющегося представления о том, что происходит в мире литературном и как этот мир перетекает на страницы газет и журналов. Используя известное определение Н. Гумилева «люди книги» и «люди газеты», Орлова показывает, как литература, несмотря на все перемены и потрясения, сохраняет в периодике свое незаместимое место: «Законченное произведение при журнальной / газетной публикации попадает в особый контекст. Подчиняет ли он себе литературное произведение или можно говорить о взаимовлиянии того и другого, о некоем диалоге между ними? И есть ли общие законы такого взаимодействия – такие, которые бы помогали учитывать общее и не игнорировать каждый конкретный случай?» [1. С. 22].

Таким образом, мир литературы сквозь призму газетно-журнальной периодики обретает новые характеристики и особенности. Становится ли литература действительно «срочной литературой» на страницах газет и журналов, – это вопрос, на который стремятся ответить и другие авторы монографии, размышляющие над проблемами методологии. Так, Ю.Б. Балашова в разделе «Филологические практики в истории журналистики» стремится найти компромисс между традиционным филологическим прочтением авторского текста, в том числе и газетно-журнального, и поисками, ведущимися в этом направлении теорией журналистики: «В последние годы между филологией и журналистикой сложились отношения, которые без преувеличения можно назвать антагонистичными. Причем ярко выраженную противопоставленность проявляет одна сторона, а именно журналистика, сформировавшая оценочное определение “филологического флюса”, но при этом (главным образом, в контексте дискуссии о медиаобразовании) справедливо указывая на проблематичность учета при чисто филологическом подходе к современной медиареальности специфики медиапроизводства, медиапотребления и других характерных примет медиапродукта» [1. С. 32].

В этом контексте попытка предложить «особый путь» в интерпретации истории литературы и журналистики начала XX в. могла бы показаться вполне оправданной. Исследовательница справедливо полагает, что тради-

ционные форматы историко-литературного и выстроенного по аналогии с ними историко-журналистского описания явлений газетно-журнальной жизни явно недостаточны. Трудно спорить с утверждениями о необходимости включения в исследовательский процесс расширенного политического, социального и экономического контекстов, определения массмедийной составляющей редакционного и иных процессов. Но при этом удивляет одно обстоятельство: автору словно невдомек, что все эти вопросы решаются куда более продуктивно, если история журналистики, равно как и история литературной и любой другой творческой повседневности, встраивается в интеллектуальную историю эпохи. Именно под углом интеллектуальной истории самые разнообразные векторы анализируемых исторических в широком смысле событий сходятся в одной точке, а процесс научного поиска приобретает ту самую междисциплинарность, которая сегодня является обязательным условием гуманитарного исследования.

Эту мысль со всей очевидностью подтверждает раздел А.А. Гапоненкова и Ю.С. Ромайкиной «К методологии изучения журнального (альманажного) контекста». Опираясь на опыт собственных исследований, труды предшественников и современников, авторы настойчиво подчеркивают необходимость воссоздания самого широкого фона, на котором существует конкретный журнал или альманах: «Любому изданию присущ *внешний контекст*, который выражается, прежде всего, в оценках данного издания современниками (литературные критики, цензоры и т.д.), – поясняют они. – *Внутренний контекст* можно разделить на *текстовый*, включающий непосредственно авторские и редакторские тексты самого издания, и *внетекстовый* – в разнообразных перипетиях внутриредакционных отношений, диалога редакции и авторов. Оба контекста, в свою очередь, порождают *внутреннюю* и *внешнюю историю* печатного органа» [1. С. 42].

Конечно, кому-то может показаться, что речь здесь идет скорее не о методологии, а о методике и технике анализа, внутри- и внередакционной истории конкретного издания, а в целом справедливое требование учета всех факторов и обстоятельств воспринимается как почти утопия, особенно исходя из той неполноты архивных документов и исторических свидетельств, до нас дошедших. Это, однако, не отменяет справедливости высказанных авторами наблюдений, равно как и требования исчерпывающей по возможности полноты реконструкции контекстов в ходе создания истории журнала или альманаха.

Особый интерес представляют размышления исследователей о специфике «альманажного» контекста и его отличии от контекста журнального. На материале «Шиповника» в разделе показано, как «внутренняя идея» конкретного сборника явно или неявно определяет отбор публикуемых в нем произведений, выстраивает диалог между текстами разных авторов, формирует представление читателя и критики о самых насущных общественных проблемах. При этом очевидно существует и не акцентируемое А.А. Гапоненковым и Ю.С. Ромайкиной различие между «тематическими» и «нетематическими» типами альманахов и сборников, в немалой степени

зависящее от периодичности их выпуска. Сошлемся на опыт многочисленных сборников товарищества «Знание», где появление публикации конкретного автора в конкретном выпуске в немалой степени зависело от его настойчивости в переписке с М. Горьким, за которым очень часто оставалось последнее слово в спорах между писателями и К.П. Пятницким.

О том, насколько правы Гапоненков и Ромайкина в своем требовании «реконструкции контекстов», свидетельствует вторая глава «Периодические издания: от центра к окраине». На материале «Нового времени», «Русского слова», «Ильмена», «Финляндской газеты» и «Южного края» развернуто показана та роль, которую газета играет не только в общественной, но и в литературной жизни предреволюционной эпохи. Так, масштабный обзор истории суворинского «Нового времени», предложенный М.А. Фроловым, содержит исчерпывающую характеристику этого издания и его ведущих авторов. Примечательно подчеркнуто объективное отношение ученого к предмету своего исследования: консервативный популизм редактора и очевидные охранительные тенденции газеты не становятся препятствием для адекватной оценки масштаба издания и его значения для общественной, литературной и культурной жизни страны на рубеже веков. Как указывает Фролов, «стремление редакции и авторов “Нового времени” учитывать общественное мнение и апеллировать к самым разным слоям общества, информационная насыщенность, достигавшаяся благодаря связям сотрудников “Нового времени” в правительственных кругах и широкой корреспондентской сети, отражались во всех ее публикациях вне зависимости от объема и жанровой принадлежности» [1. С. 68].

Примечательна и «практическая часть» раздела, в основе которой – тщательная работа со всем корпусом номеров «Нового времени». Исследователем были определены писатели и критики «первого ряда», в число которых вошли В.П. Буренин, П.П. Перцов и В.В. Розанов, указаны самые громкие публикации, перечислены статьи, очерки и заметки мемуарного и историко-литературного характера. Склонность А.С. Суворина к использованию любых возможностей для увеличения тиража газеты и ее популярности у массовой аудитории сказалась на участии издания в многочисленных скандалах и спорах, в полемических выступлениях ее постоянных авторов и представителей других средств массовой информации. Чрезвычайно своеобразен был в «Новом времени» и жанр некролога, часто выходивший за рамки «последнего слова» и больше напоминавший развернутую статью с оценкой творчества или деятельности ушедшего.

Издание, структура и журналистский контекст «Русского слова» подробно проанализированы А.В. Филатовым, фактически предложившим историю этой газеты в 1900–1905 гг. Превращение издания, задуманного И.Д. Сытиным как «Народная газета», в одно из самых популярных и либеральных происходило благодаря усилиям ее редактора В.М. Дорошевича и собранного им коллектива. Последовательное изучение разнообразных материалов газеты, специфики рубрикации, важнейших проблемно-тематических составляющих, имен, жанров и жанровых предпочтений дает

убедительное основание для финального вывода: «Установка редакции во главе с Дорошевичем на объективное и всестороннее освещение фактов при одновременной ориентации на массового читателя приводит к тому, что литературные произведения начинают выполнять функции публицистики, а обсуждение актуальных событий берет на себя жанр фельетона, эксплуатирующий различные литературные формы. Взаимодействие литературы и журналистики в пространстве газеты происходит как имманентно, за счет сочетания элементов художественных и публицистических жанров в одном тексте, так и контекстуально, за счет влияния информационного поля газеты на тематику литературных произведений» [1. С. 102].

Несомненной удачей монографии стали разделы, посвященные провинциальной прессе. «Периферийный» акцент этих исследований только усиливает аргументированность общих выводов. Краткая по времени история новгородской частной газеты «Ильмень», начавшаяся в декабре 1906 г. и закончившаяся в следующем году, в интерпретации А.Л. Семеновой становится примером того, как заявлявшее о своих относительно умеренных политических взглядах издание достаточно быстро смещается влево. Этому способствует не только ухудшение политической обстановки, но и личный фактор – появление в газете депутата Второй Государственной думы от крестьян Новгородской губернии социал-демократа П.Г. Измайлова. Цикл его писем-обращений к избирателю отмечен своего рода литературностью, проявляющейся в стилизации под народную речь, с обилием шуток, разговорных оборотов и т.п. «Сказовый формат» изложения происходящих в Государственной думе и вокруг нее событий, вне всякого сомнения, должен был усилить критическое отношение аудитории к действующей власти и пробудить в ней левые настроения. Острокритическая позиция газеты и отсутствие у нее материальных ресурсов (что было связано с минимальным количеством размещаемой рекламы), постоянное давление губернских властей стали причиной отказа местной типографии от сотрудничества и, как следствие, прекращения ее выхода.

Судьба русской газеты в национальном регионе и отдельные аспекты ее существования рассматриваются Е.А. Андрущенко в разделе «Литература и писатели в “Финляндской газете”» и Л.Ф. Луцевич в разделе «Русскоязычная периодика Финляндии в начале XX века: “Финляндская газета”». История этого периодического издания представлена в контексте российской политики в отношении Финляндии в XIX – начале XX в. на фоне многочисленных проектов информационных изданий для русского населения Великого княжества. Справедливо отмечая комплексность тех задач, которые стояли перед «Финляндской газетой», Луцевич подчеркивает, что важнейшей среди них была задача обеспечения русско-финского диалога, приобщения читателя к литературе и культуре, традициям местного населения, поиска баланса между продвижением интересов центральной власти и акцентированием финской национальной самобытности. Газета, с одной стороны, ориентированная на ведущие столичные издания, прежде всего на «Новое время», и перепечатавшая значительное число

«проверенных материалов» из надежных источников, пыталась до определенной степени сказать свое слово в сфере культуры и искусства. В то же время, как подчеркивает исследовательница, «появление русского печатного органа не вызвало энтузиазма с финской стороны» [1. С. 153]. А события русской революции, усиливающаяся реакция, курс на ограничение финской автономии так и не позволили этому печатному органу стать эффективным инструментом налаживания отношений между русскими и финнами. О том, по каким направлениям делались попытки наладить эти отношения, размышляет Андрущенко, анализируя то, как в «Финляндской газете» были представлены проблемы литературы и театра.

Примечательно появление в газете статей и материалов, посвященных финской словесности, начиная от ее исторических истоков, фольклорной традиции и др. и заканчивая анализом творчества современных писателей, в том числе и женщин. Одну из главных проблем издания исследовательница справедливо усматривает в том, что в нем «не было ни ярких критиков, ни квалифицированных историков литературы. Их статьи на историко-литературные темы имели компилятивный характер, опирались на чужие материалы, авторитетность которых подтверждалась публикацией в журналах и газетах «большой» России, т. е. уже прошедших и цензуру, и проверку мнением начальства и читателей. Эта особенность лишь подкрепляла общий казенный дух газеты, служившей пропаганде официальной точки зрения и освещению разных сторон общественной жизни» [1. С. 138]. В публикации художественных материалов газета ориентируется на наиболее популярные российские издания, и круг появляющихся в ней отечественных и зарубежных авторов вполне определен. Во главу угла здесь ставится развлекательность, которая призвана поддержать интерес читателя и к другим разделам.

Газете «Южный край» как масштабному явлению литературной и культурной истории юга России 1900–1905 гг. посвящено исследование Е.М. Захаровой. Среди поднимаемых автором проблем – определение места газеты в общественной и культурной жизни Харькова, литературная составляющая материалов издания, роль фельетона как структурообразующего ядра беллетристической части, место на страницах «Южного края» криминальной хроники и военных корреспонденций и др. Издание приобретало до определенной степени универсальный характер, а его стремление показать и объяснить читателю все стороны современной жизни вело к своего рода «энциклопедизму»: «Калейдоскоп из местных новостей, событий за пределами Харькова, фельетонов, литературно-критических очерков, театральных рецензий, зарубежных сведений и рекламных объявлений ежедневно предоставлял сформированный в нескольких планах образ дня» [1. С. 166]. Несмотря на то, что Захаровой избран относительно короткий отрезок времени, глубокое знание материала и самого широкого литературного и социокультурного контекстов позволяет говорить об убедительности и основательности нарисованной ею картины.

Оценивая содержание третьей главы «Стратегии и репутации», следует отметить, что ее центральная проблема отчасти затрагивалась в предшествующих главах, к примеру, в разговоре об авторах «первого ряда». Тема писательских / журналистских репутаций рассматривалась уже не раз, однако в рецензируемой монографии она обретает свой по преимуществу историко-литературный акцент и дополняется результатами новейших разысканий. Немалое внимание уделяется выявлению роли журналов в процессе «производства репутаций» целых литературных направлений и школ, а не только отдельных литераторов. Хотя о вкладе «Нового пути», «Золотого руна» и особенно «Весов» в оформлении представлений о символизме как единой школы писалось неоднократно, подробности, которые приводит Е.В. Иванова в разделе «Роль периодики в формировании символизма как направления» дают ей все основания констатировать: «Фактически история символизма 1900-х годов и есть история его периодики, которая помогает выявить его ключевые фигуры, а также проследить процесс присоединения к нему фигур подчас маргинальных, но игравших свою роль в истории символизма как направления» [1. С. 186].

Предметный анализ скандала и эпатажа как форм самопрезентации группы «Гилея» и в жизни, и в газетно-журнальном пространстве добавляет новые штрихи в литературный процесс, о чем убедительно пишет С.А. Казакова в разделе «Литературная репутация кубофутуристов в 1910-е годы». Еще одна страница предыстории русского кубофутуризма воссоздается М. Бёмиг, рассматривающей творчество Н. Кульбина и альманах «Студия импрессионистов» как художественно-эстетический ответ угасанию символизма и поиск нового творческого языка. Именно здесь исследовательнице видится один из «мостиков» между модернизмом 1900-х и авангардом 1910-х гг.

Примечательно, что объектом исследования авторов монографии становятся не только реализованные, но и нереализованные литературные проекты. А.Ю. Сергеева-Клятис, опираясь на два обнаруженных в архиве письма С.П. Боброва, восстанавливает историю предполагавшегося издания журнала группы «Лирика», детали полемики, развернувшейся между поэтом и его оппонентами (С.Н. Дурылиным и Ю.П. Анисимовым) в связи с редакционной политикой задуманного издания. Бобров категорически возражал против присутствия в журнале известных авторов-символистов, предлагая опираться на «собственные силы», т.е. публикацию своих текстов и произведений Н.Н. Асеева и Б.Л. Пастернака.

Проблема индивидуальных литературных репутаций находит отражение в разделах, посвященных ключевым фигурам отечественной словесности этого периода – Ю.И. Айхенвальду и В.П. Буренину. Е.А. Тахо-Годи, обрисовав эстетическую программу и литературно-критические ориентиры Ю.И. Айхенвальда, указывает на достаточную близость его «импрессионистического метода» эстетике символизма, что объясняется некоторой общностью художественных предпочтений (А. Григорьев, Вл. Соловьев, О. Уайльд, Р. де Гурмон). Именно на этом фундаменте возникает «имма-

нентный метод» критика: «...через вчувствование в личность, в художественный текст его путь лежит к бессознательному творца и далее к самосознанию природы и – далее еще выше – к постижению единства жизни, к мировой гармонии всего живого в вечном космосе, к эстетическому универсализму» [1. С. 201].

Проблема репутации В.П. Буренина – литературного критика рассматривается О.В. Федунинной сквозь призму его работы в газете «Новое время». Как показывает исследовательница, установка критика на литературный скандал, превращение последнего в сознательную авторскую стратегию во многом определяли двойственность его репутации у читательской аудитории и одновременно поддерживали интерес к его публикациям. Способность к нестандартным поворотам, к отказу от, казалось бы, устоявшихся принципов в конкретной статье или очерке, неожиданность художественных решений и стилистических приемов делали Буренина одним из самых востребованных авторов, воспринимавшихся как совершенно одиозная фигура либеральной частью общества и высоко ценившихся «охранительной».

Неожиданную интерпретацию эстетических взглядов В.П. Буренина в сопоставлении с программой Пролеткульта предлагает К.А. Баршт. «Цинический реализм», исповедуемый Бурениным во второй половине XIX в., оказывается созвучен отдельным установкам идеологов новой пролетарской культуры начала 1920-х гг. Не утверждая наличие прямого влияния буренинских текстов, в частности его размышлений о «наглом реализме», на позицию Б. Арватова и его единомышленников, исследователь выявляет точки схождения. Собственно декларативное стремление самого Буренина максимально приблизиться к «простому читателю», отозваться на его страдания и чаяния, вполне созвучно пролеткультовской установке на решающее значение классового сознания пролетарского писателя, что и должно обеспечить возникновение и развитие новой литературы для нового общества.

О судьбоносном значении горьковских изданий для Е.И. Замятина размышляет С.Г. Коростелев. Само по себе появление имени автора «Уездного» на страницах «Летописи» и «Новой жизни» обеспечивало ему максимально широкую читательскую аудиторию, а поддержка Горького кардинально меняла его литературный статус. Как указывает исследователь, именно здесь Замятин, только что вернувшийся в Россию из Англии, начинает осмысливать тему дегуманизации личности в условиях агрессивного индустриального тоталитаризма, которая получит дальнейшее развитие в его знаменитом романе-антиутопии «Мы».

Сложным взаимоотношениям писателей и прессы, характеру презентаций образов журналистов в литературных произведениях и освещению писательской жизни на страницах периодики посвящена четвертая глава «Формы рецепции». М.В. Михайлова и А.В. Назарова в разделе «Журналисты – герои русской литературы рубежа XIX–XX веков» детально исследуют то, как представлены газетчики в произведениях М. Горького,

А. Эртеля, Е. Чирикова, А. Серафимовича, А. Куприна и др. Несмотря на то, что писатель достаточно часто выступал в роли журналиста, а журналист, в свою очередь, превращался в писателя, отчетливый антагонизм между этими профессиями на рубеже XIX–XX вв. ощущался достаточно остро. Развивался этот конфликт в более чем специфических условиях: «Необходимость обслуживать разнообразные вкусы и требования читающих масс сделала писательство “распространенным занятием, массовой профессией”, причем причастным к литературе теперь мог оказаться каждый, кто “не имел более определенных занятий”. Так стиралась грань между литературой и журналистикой» [1. С. 299].

И хотя репортеры остаются по преимуществу персонажами второго ряда, понимание их роли в литературной жизни России дает толчок к общим размышлениям о том, как должна и может быть представлена творческая личность в газете, где та тонкая грань между подробностями писательской жизни, открываемой читателю, и уже непосредственным вторжением в эту жизнь. Очевидно, что популярные литераторы не были готовы к тому, чтобы детали их повседневного бытия становились объектом изображения или замещались дешевым вымыслом, как это часто происходит в драматургии и прозе начала века. Отсюда – появление острых, порой гротескных фигур провинциальных журналистов, не останавливающихся ни перед чем в поисках сенсаций, легко идущих на подлог, не задумывающихся о том, что они тем самым разрушают человеческие судьбы.

Своеобразным продолжением темы становится раздел «Лев Толстой и литературная жизнь начала XX века в зеркале прессы». В.Н. Крылов анализирует формы презентации личности и деятельности Толстого. Необычайный интерес к фигуре «живого классика» реализовывался по-разному – от интервью, очерков и заметок до пародий и карикатур. В этом смысле Толстой, конечно, выделялся из общего числа русских и зарубежных писателей: внимание читательской аудитории к нему не имело аналогов и вызывало соответствующую реакцию в газетно-журнальном мире. При этом, как подчеркивает исследователь, и отношение самого писателя к периодике было неоднозначным: с одной стороны, он пытался игнорировать это назойливое внимание, с другой, по свидетельству современников, – не без интереса следил за тем, как прессой освещаются его мысли и дела. Наглядные примеры того, как жизнь Толстого представлялась в массовой периодике, исследователь обнаруживает в журнале «Огонёк», одном из самых популярных массовых изданий начала века.

Впрочем, мифы возникают не только в связи с фигурой Толстого. Как убедительно показывает С.А. Кибальник, примером мифотворчества может служить и история постановки чеховской «Чайки». Исследователь внимательно анализирует сохранившиеся рассказы непосредственных участников событий (от автора и постановщика до зрителей и репортеров) и приходит к выводу, что в реальности постановку «Чайки» в Александринке нельзя считать провалом: относительный неуспех премьерного спектакля не помешал ему остаться в театральном репертуаре, а версия

провала, отчасти сформулированная А.П. Чеховым еще до премьеры, активно муссировалась представителями МХАТа (В.И. Немирович-Данченко и др.) и со временем получила максимально широкое распространение. Определенную роль в этом сыграл и А.С. Суворин, прямую отсылку к гибели сына которого часть публики усмотрела в трагедии Треплева.

Роль визуализации и всего спектра изобразительных средств в формировании сатирического отношения к личности и творчеству литератора исследуется Е.С. Сониной в разделе «Образ писателя в журнальной карикатуре Серебряного века». Карикатуры и шаржи на Л. Толстого, М. Горького, Л. Андреева, А. Куприна и др. очень часто были непосредственно связаны с моментами их литературного успеха, иллюстрировали заметные события в их жизни и, конечно, отражали отношение карикатуриста и редакции к их творчеству. Как может показаться, из общего сюжета главы несколько выпадает раздел Е.Ю. Гордеевой «Формы взаимодействия с читателем на страницах дореволюционных специализированных журналов (по материалам библиографической периодики)». Впрочем, автор справедливо указывает на то, что оказавшиеся в центре ее внимания библиографические журналы далеко выходят за границы собственно библиографии, выполняя функцию журналов литературно-критических, историко-литературных и книговедческих. Различные формы взаимодействия редакции и читателей, в том числе и через переписку, публикацию объявлений и рекламы, «точечных» обзоров, позволяют дополнить уже обозначенный в главе контекст немаловажными деталями.

Несомненную ценность представляют материалы, публикуемые во втором разделе монографии. Это переписка А.А. Измайлова и И.И. Ясинского (А.С. Александров), Д. Философова и К. Чуковского (С.В. Федотова, А.Л. Соболев). Обращает на себя внимание подготовленная Е.И. Погорельской подборка текстов И. Бабеля в газете «Новая жизнь». Не менее значим и третий раздел, в котором представлены библиографические росписи журнала «Богема» (А.Л. Соболев) и газеты «Новь» с приложением «Утренний телефон» (Р.А. Поддубцев), а также роспись архивных материалов, посвященных газете «Русское слово» (О.И. Шапкина).

Конечно, можно посетовать на внутреннюю разногласию первой части, в чем-то больше напоминающей сборник статей, усомниться в уместности превращения приложений в третью часть монографии и удивиться, почему в разряд приложений не попал материал второй. Однако на фоне тех масштабных открытий, которые представлены в рецензируемой книге, исходя из логики составителя, подкрепляющего публикуемые исследования с их мощным теоретическим потенциалом различными формами «практики», приведенные выше замечания и сомнения проходят скорее по разряду технических и ни в коей мере не влияют на самую высокую оценку сделанного.

Не станем утверждать, что книга полностью меняет современное представление об истории литературы и журналистики предреволюционной эпохи. Однако ее авторы и не ставили перед собой подобной цели: опира-

ясь на исследования предшественников, максимально расширяя круг источников, вводя в оборот новые и возвращая забытые имена и названия, они пошли по пути уточнения и дополнения уже известного, разработки новых подходов, чтобы создать тот самый фундамент, на котором в будущем будет построена полномасштабная академическая история русской литературы и журналистики конца XIX – начала XX в.

Список источников

1. Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа: коллективная монография / отв. ред. и сост. А.А. Холиков, при участии Е.И. Орловой. М. : ИМЛИ РАН, 2021. 768 с.

References

1. Kholikov, A.A. & Orlova, E.I. (eds) (2021) *Russkaya literatura i zhurnalistika v predrevoliutsionnuyu epokhu: formy vzaimodeistviya i metodologiya analiza: kollektivnaya monografiya* [Russian literature and journalism in the pre-revolutionary era: Forms of interaction and methodology of analysis: A collective monograph]. Moscow: IWL RAS.

Информация об авторах:

Осовский О.Е. – д-р филол. наук, профессор, главный научный сотрудник Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсевьева (Саранск, Россия). E-mail: osovskiy_oleg@mail.ru

Дубровская С.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.E. Osovsky, Dr. Sci. (Philology), professor, chief researcher, Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseviev (Saransk, Russian Federation). E-mail: osovskiy_oleg@mail.ru

S.A. Dubrovskaya, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: S.Dubrovskaya@bk.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.01.2022;
одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 18.07.2022.*

*The article was submitted 27.01.2022;
approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 18.07.2022.*